

ЭЛИЗАВЕТА СОБОЛЯНСКАЯ
ЮЛИЯ ЛЯПИНА

КИКИМОРУ
ВЪЗЫВАЛИ?

Елизавета Соболянская
Юлия Ляпина
Кикимору вызывали?

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69292807
Ю. Ляпина. Е. Соболянская. Кикимору вызывали?:

Аннотация

Болотная нечисть превратилась в благопристойную городскую жительницу, но осталась все такой же возмутительницей спокойствия? Куда бы применить ее таланты и кипучую энергию? Капитан сысского отделения отправил тощую девчонку учиться, а потом взял ее на службу! И не пожалел!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	53
Глава 8	61
Глава 9	68
Глава 10	75
Глава 11	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

**Юлия Ляпина,
Елизавета Соболянская
Кикимору вызывали?**

Юлия Ляпина

Елизавета Соболянская

* * *

Пролог

Начальник отделения Тайного сыска города Овьедо дон Георгиос де Кампанелло в бешенстве вскинул руку и ткнул подчиненному в лицо мятый свиток зеленоватой бумаги:

– Это что? – прошипел он.

Старший сержант Гомез чуть отодвинулся от начальственной длани и мирно ответил:

– Отчет от синьориты Карины.

– Отчет? – выверился дон в ответ. – Здесь написано, что староста села Велло – дурак, покрытый тиной от старости, потому и не заметил, что на запруде у мельницы мертвяк обитает, да живность понемногу таскает.

– Так он и правда того, – поиграл бровями Гомез.

– Что «того»???

– Тиной покрылся! – хмыкнул сержант. – Каринка у него спрашивает, не было ли утопленников по зиме, а он все свое твердит «не могу знать»!

Дон Георгиос не выдержал глумления над начальственной харизмой, выбежал из кабинета, спустился на первый этаж, промчался мимо дежурного, вылетел на небольшую круглую площадь, мощеную темно-серым и светло-серым камнем, встал ровно в центр и заорал:

– Кикимора-а-а-а-а! – так что содрогнулись стекла в окнах небольших домов, окружающих Площадь Правосудия.

– Вызывали? – раздалось от одного из домиков, едва стихло эхо.

– В кабинет! – рубанул начальник и, не оглядываясь, рванул к себе.

Тощая девчонка с растрепанными волосами вздохнула и поплелась следом.

Глава 1

Когда-то на окраине Овьедо располагалось болото. Не болото на самом деле, а болотце, но вполне серьезное – с болотником, кикиморами и прочей нечистью. Люди болото обходили стороной, зато регулярно сбрасывали в него тела висельников, замерзших зимой бродяг и даже трупы павшей скотины. В результате этого болото росло, хорошело и обзаводилось все более дурной репутацией.

А потом город внезапно вырос, и городские власти постановили болото осушить, замостить и выстроить на берегу отделение тайного магического сыска, полицейский участок и скромную такую тюрьму.

Сказано – сделано. Пригнали к болоту пару сотен солдат, перекрыли чахлый ручеек, наполняющий темные омуты, спустили воду длинными канавами в ближайшее озерцо и засыпали то, что осталось, щебнем. Потом еще и замостили. А магически почистить место не догадались!

Болотник, разобиженный, ушел в озеро – и заплел его ряской почище иного болота, а кикиморы остались. Они натуры ранимые, магически к родной луже привязанные. Мимикрировали, конечно. Домики вокруг Площади Правосудия построили, магов себе в мужья нашли, да только древнюю магию обухом не перешибешь. Мало кто знал о том, что стоило выйти в центр бывшего болотца и крикнуть «кикимора», добавив в призыв каплю магии, и тут же явится местная жительница, подчиняясь волшбе. Желание, правда, не испол-

нит, скорее дрыном каким по шее стукнет, но работал призыв этот безотказно.

Поначалу кикиморы таились. Прикидывались мирными горожанками, расшивали платки, плели удивительной красоты шали, потом постепенно влились в жизнь шумного города и перестали скрываться. Польза от них городу была – шустрые женщины чуяли всякую нечисть и не стеснялись предупредить о ней городские власти. Правда, поначалу от них отмахивались, но после того, как во главе городского совета встал дон Керубин Дортего, кикиморам было дозволено подавать прошения на любую должность.

Синьорина Карина была самой настоящей кикиморой на службе у тайного сыска. Предки наградили ее тонким чутьем и скверным характером, потому за годы обучения в магической школе, а потом и в колледже магического сыска, девушка обзавелась одним-единственным другом – сержантом Гомезом.

Когда-то крепкий парнишка был ее соседом. Судьба столкнула их на узкой дорожке с парочкой оборотней-подростков, готовых кинуться на любого, зашедшего на их территорию. Гомез уже сжал кулаки, готовясь дорого продать свою жизнь, как вдруг из кустов выглянула большеглазая кудлатая девчонка в зеленом платье, очаровательно улыбнулась оборотням и протянула:

– Мальчики-и-и-и!

У оборотней закапала слюна, в таком возрасте они еще

неспособны справляться с инстинктами, а Гомез, не будь дурак, потихоньку отступил, не теряя девчонку из вида. Через десять минут замороченные волчата, поскуливая, уползли с тропинки, а зеленоглазка, дернув плечом, подошла к Гомезу:

– Пошли, домой провожу, а то испугалась я и такого здесь наплела, полдня бродить будешь!

Вот так будущий сержант отделения магического сыска узнал, что его соседка – кикимора, и заодно дал себе клятву вернуть нахалке должок.

За пробежавшие после той истории годы он уже не раз пытался это сделать, но вздорная девица всякий раз успевала снова вытащить его задницу из неприятностей, и долг жизни продолжал уныло висеть над головой сержанта. Иногда в ночных кошмарах Гомез видел себя абсолютно седого, дряхлого и беззубого рядом с тощей зеленоглазой бабушкой, упорно показывающей всему миру неприличный знак.

Сегодня же Карине ничего не угрожало. Ну покричит дон начальник, потопает, а потом махнет рукой – чего с кикиморы взять? И даст новое задание! Так все и случилось.

Дон Георгиос смерил Карину тяжелым взглядом и строго спросил:

– Почему не в форме?

Нахалка уставилась в потолок и ответила:

– Вызов во внеслужбное время, пункт пятнадцать дробь три. Сыскарь имеет право появиться в любой одежде.

Капитан смерил ее еще более тяжелым взглядом, но

нечисть зеленая, продолжая смотреть в потолок, принялась насвистывать песенку. Тогда дон сменил тактику – уставился на Гомеза и рявкнул:

– Сержант! Почему вы одеты не по форме?

Гомез вздрогнул, осмотрел себя, проверяя чистоту сапог и безупречность посадки мундира, а потом уставился на зеленую ленточку, оплетающую пучок травы. Эту финтифлюшку ему сунула Карина. Просто отвлекла болтовней и воткнула странный букетик в петличку. Он и не заметил. А позже, когда неупокоенный мертвяк, уже прошедший первую стадию перерождения, ринулся из омота на сержанта, выпуская острые темные когти, в воздухе что-то тренькнуло, и позеленевший от сырости труп свалился обратно в воду. А если бы уцепил? Похоже, напарница опять спасла ему жизнь!

– Дон капитан! Это...

– Да понял я, – устало махнул рукой Георгиос, присаживаясь на край стола. – Живы – и хорошо. Жалобу я выкину. Мертвяка сожгли?

– По всем правилам, – с облегчением сказал сержант и, глянув на кикимору, добавил: – Кара там все солью посыпала и в воду чего-то набулькала, сказала – надо.

– Ладно, идите с глаз моих долой! – капитан выдохнул, мысленно уже составляя отчет для столичных инспекторов. С той поры, как он принял в штат эту зеленоволосую занозу, из отчетов практически пропали карманники, грабители и воры – сплошные зомби, злые духи да прочая нечисть. Кто

бы подумал, что в маленьком городке Овьедо водится столько всякого?

Гomez радостно подхватил Карину под руку и вытащил из кабинета. Нечисть болотная не сопротивлялась, но шла вразвалочку. Она-то считала, что её стоит похвалить, а не выдергивать прямо из теплой постельки на randevу с начальством!

Мертвяк в деревушке был старый – года три пролежал во рву, прежде чем кто-то или что-то заставило его перебраться в омут подле мельницы. И жрал он не только бродячих собак, которых в деревне мало, он и к людям примеривался. Собственно, сыскарей вызвал мельник, у которого пропали сразу две козы, а после младшая дочь стала заходиться криком при одном взгляде на запруду. Еще бы пара месяцев, и упокаивать свеженького лича пришлось бы всем отделением. А то и в столицу на штатного мага запрос посылать.

Карина передернула плечами под тонкой шалью, зевнула и заявила напарнику:

– Я домой заскочу, переоденусь и вернусь.

Гomez оценил взглядом шаль, сорочку до пят и домашние тапочки вместо сапог, хмыкнул и посоветовал:

– Беги быстрее, у стражников пересменка, засмеют!

Кикимора передернула плечами, фыркнула, но ускори-лась. Стражники были те еще охальники, а настроение и так было на нуле. Дон Георгиос не просто так орал на всю площадь – старый дон неприятности чувял задницей. И коли начал приводить в порядок бумаги, требовать отчеты и форму

– значит, что-то грядет. То ли комиссия, то ли инспекция, а может, пришлют наконец штатного мага, готового взорвать сонный мирок провинциального городка. Еще раз зевнув, Карина ушла, а сержант еще раз покосился на «бутоньерку» и оставил ее на месте. Мало ли. С такой напарницей – неупокоенный мертвяк не самое страшное, что можно встретить на службе!

Глава 2

Старший сыскарь столичного отделения дон Аугусто Мануэль Медина стоял навытяжку перед начальством и не верил своим ушам – его, старшего в отделении, отправляют с инспекцией в какой-то там Овьедо?

– Не сверкай глазами! – фыркнул дон Алонсо, капитан, которого Аугусто надеялся сменить на посту лет через пять. Ну, может, через десять. – Да, отделение магсыска в Овьедо небольшое. По сути, там пять человек служит, включая капитана. Расследуют всякую мелочь, для поддержки рейдов городских стражников берут. Но, видишь ли, в чем дело... – тяжелая рука капитана опустилась на толстую потрепанную папку с надписью «Отчеты Овьедо». – За последний год они раскрыли преступлений в пятнадцать раз больше. И это не банальные кражи с помощью амулетов и не улучшение товаров иллюзией. Это... вот, почитай сам.

Аугусто принял желтоватый лист грубой бумаги и вчитался в список раскрытых или частично раскрытых дел. Поднятый неизвестно кем утопленник. Мавка. Злой дух в заброшенном доме. Хранитель клада, сорвавшийся с привязки...

Прочитав весь длинный список, Медина едва удержался от свиста.

– Именно! – поднял палец капитан. – Как ты сам понимаешь, либо у них появился гений магического сыска, поднимающий дела за предыдущее столетие, либо в Овьедо происходит что-то нехорошее, как раз по нашей части. А поскольку инфанта Изабель поедет к жениху через Астурию, Овьедо

она не минует!

– Почему через Астурию? – нахмурился дон Аугусто. – Бильбао и Сан-Себастьян ближе к Бордо...

Дон Алонсо фыркнул:

– Сам подумай! Инфанта носит титул принцессы Астурийской, значит, перед отъездом в другую страну должна посетить святыни Астурии, принять подарки у народа и вообще показаться всем, чтобы помнили! Мало ли, как у нее там в этой Франконии сладится?

Медина потупился. Он был еще слишком молод и не уделял внимания брачным обычаям. Просто знал, что матушка и сестры подсказут и помогут, так зачем ерундой голову забивать?

– В общем, сейчас у нас самое начало весны, дороги едва обсохли, так что донья Изабелла задержится в столице на недельку. Да и потом поедут не спеша. Твоя задача – как можно быстрее добраться до Овьедо, провести там расследование, чтобы к появлению инфанты этот городок был самым тихим на побережье!

Аугусто молча щелкнул каблуками, а потом уточнил:

– По пути мне обращать внимание на магические нарушения?

– Нет, – отмахнулся капитан, – по маршруту отправлены сыскари разных рангов, у доньи будет охрана, и сама она неплохой маг. Твоя задача – Овьедо. Там свадебный поезд задержится, будут ждать попутного ветра, и нам всем важно,

чтобы никто не смел напугать невесту!

– Вас понял, дон капитан!

– И еще, – голос Алонсо догнал дону у двери, – если справишься, пойдешь на повышение. Его величество запрашивал опытного сыскаря для личных поручений.

Медина щелкнул каблуками и вышел. Капитан хмыкнул ему вслед. Гордец. Но толковый и осторожный. Лучший сыскарь столицы на данный момент. Только поможет ли этот опыт в провинции? Время покажет.

* * *

Аугусто вышел из отделения, взглянул на утреннее солнце, сдержал вздох и двинулся вниз по улице. Нужно собрать дорожные сумки, коня, слугу... Как благородному дону, ему положен целый штат – не менее пяти человек, но... Младший сын знатного рода, получивший в наследство старое палаццо с облупленными стенами и магическое образование, не мог себе позволить ненужной роскоши. Хорошо, что есть дом, а при нем – сад. Есть старый дядька, служащий одновременно лакеем, камердинером и дворецким. Есть нянька, заменяющая горничную, экономку и кухарку. Есть родовая честь, фамильный кубок и конь.

Аугусто хмыкнул, вспоминая своего Грохота. Если бы не дядя, не видать бы ему такого скакуна как своих ушей. А так он имеет возможность ехать в Овьедо сразу после полу-

дня, не подстраиваясь под расписание почтовых карет и караванов. И у него есть форма, деньги на дорогу и припасы, а также оружие и набор магических штучек, положенных столичному сыскарю. Право, это было несколько больше, чем получали в наследство мелкие идалыго.

Дон Медина подмигнул смешливым цветочницам, стоящим с корзинами на площади Грез, и свернул на узкую улочку, ведущую к его дому. Старинный особняк, укрытый зеленью сада, стоял на берегу быстрого холодного ручья.

Пусть сам дом был довольно ветхим, земля у воды стоила баснословно дорого. Младшему сыну рода уже не раз предлагали продать «развалины» за хорошую цену и переехать в более скромный район, но Аугусто вцепился в этот дом и не желал отдавать ни за какие деньги. Причина была проста – богатый сад, за которым любовно ухаживали все, живущие в доме, приносил благородному дону средства к существованию. Избыток воды позволял выращивать не только апельсины и оливы, но и фиги, орехи, гранаты и виноград. Часть плодов вялили на солнце и ели, часть продавали.

Во время учебы, экономя каждый грош, сын семьи Медина питался исключительно плодами сада, но гордо отказывался от приглашений на пиры в богатых, но незнатных домах, чтобы не уронить родовой чести. От брака с дочерью зажиточного купца тоже отказался. Сейчас вот, став старше, получив не раз и за свою гордость, и за принципы, он иногда посмеивался про себя. Мог бы жить в уютном и богатом до-

ме, полном слуг и прихлебателей. Терпел бы капризную купеческую дочь и ее самодура-папашу, грубых родственников и наглых просителей. Зато ел и пил бы на золоте, и одевался в шелка, а не в форменное сукно. Однако хандра быстро улетучивалась, и дон Аугусто Медина вновь готов был грызть финики, запивая сангрией, и корпеть над бумагами и магическими амулетами, чтобы изловить очередного преступника.

Подойдя к своему палаццо, дон невольно залюбовался. Его садовник, папаша Густаво, искусно маскировал облупленные стены бугенвиллеей, геранью и прочими пышноцветущими растениями. Издалека дом выглядел достойно. И наплевать на скрип старых дверей, дрожание рам и треск разошедшихся лестниц. Три старика и двое мальчишек не могли уследить за всем.

Еще Густаво устроил во внутреннем дворике обширный цветник и поставлял на рынок цветы, пряные травы и свежую зелень. Нянюшка держала в загончике полдюжины коз, доила их, варила пряный сыр и пряла шерсть на теплые домотканые плащи и одеяла. Только благодаря заботам старых слуг юному Аугусто Медине не пришлось начинать карьеру послушником в ближайшем аббатстве. Имея средства к существованию, он мог выбирать между армией, церковью и магической службой. Выбрал последнюю, потому что не хотел покидать столицу. Смешно сказать – влюбился и надеялся завоевать сердце прекрасной доньи Адорасьон ди Алонзо.

Старший сыскарь отворил калитку и хмыкнул, внезапно припомнив себя шестнадцатилетнего – юного, наивного, живущего на финиках и козьем сыре, но полного мечтаний и надежд. Жизнь быстро опустила юнца на землю. Прекрасная донья, благосклонно принимающая цветы и сонеты, в один день, позабыв о толпе поклонников, стала невестой старого и страшного богача. А когда раненый известием в самое сердце наивный мальчишка примчался к ее окну, ему снисходительно объяснили, что красота требует денег. Дорогих шелков, драгоценностей и масел. Что жить в загоне для коз благородная дама не может, да и любовь – негодная пища для тела.

Раздавленный осознанием, Аугусто вцепился в учебу. Штудировал книги заклинаний, тренировался с мечом, искал возможности остаться в столице и... сумел. К двадцати семи годам он достиг звания старшего сыскаря, раскрыл немало преступлений, совершенных с помощью магии, и готов был продолжать службу в надежде достичь большего.

Только вот с женщинами у него... не складывалось. Нянюшка ворчала, дядька смотрел с легким осуждением, когда он возвращался под утро из квартала «Ворбн», так в столице называли район, в котором располагались увеселительные заведения. Один раз в две недели. Каждый раз новая «девочка». Кувшин легкого вина, немного музыки, постель и молчаливый уход без прощания.

Мадам относилась к причудам молодого сыскаря снисхо-

дительно, хотя не раз уже намекала, что жалование позволяет ему завести постоянную любовницу. Вот этого Аугусто не хотел. Приводить сомнительную девицу в свой дом не соби-рался, снимать домик в квартале – тоже, а платить за то, что-бы его ждали... очень уж напоминало это донью Адорасьон, получающую новенькое украшение после каждого загула ее знаменитого супруга.

Отбросив ненужные мысли, дон Медина вошел в дом че-рез кухню и крикнул:

– Нинья! Мне нужно уехать! Собери мне сумку на неделю! Вито! Приготовь Грохота к долгой дороге!

Румяная женщина лет пятидесяти выглянула из комнаты, поправила черный платок на голове и покачала головой:

– Маноло! Ты же не завтракал! Сначала за стол, потом сборы!

– Няня, – хмыкнул благородный дон, – ты способна на-кормить кого угодно, но я правда спешу! Мне нужно напи-сать письма маме и сестрам и оставить распоряжения стряп-чему. Скажи Густаво, что я еду в Овьедо, пусть отправит со мной одного из мальчишек!

Женщина покачала головой, но ушла, а дон Аугусто под-нялся в свои комнаты и сел за письменный стол.

Глава 3

В покоях инфанты Изабеллы с раннего утра царила суета. Сама юная принцесса не принимала в ней участия. Она склонилась над очередным трактатом по ботанике и не обращала внимания на служанок и фрейлин, пакующих платья, юбки и туфельки. За упаковкой личной библиотеки инфанта уже проследила, а наряды она всегда оставляла на совести горничных и приближенных дам.

Королева беспокоилась о старшей дочери и даже немного переживала, ведь донья Изабо ни капли не интересовалась модой, кружевами и лентами, зато могла засидеться над книгой, выпачкать платье, копаясь в саду, или прямо на балу завести беседу с каким-нибудь ученым книжником, совершенно позабыв про танцы! Разве так ведут себя принцессы на выданье?

Впрочем, во всем королевстве не нашлось бы наглеца, способного упрекнуть инфанту Астурийскую. Донья Изабелла не просто копила знания в своей голове – она использовала их для улучшения жизни своих подданных! Открытая ею в столице больница для бедных успешно работала. Она сама лично появлялась там, готовила лекарства из трав, пекла хлеб с семенами лука и следила за одеждой и опрятностью персонала.

Еще инфанту беспокоила высокая стоимость книг. Поэтому по ее просьбе в качестве подарка на двенадцатый день рождения в столице открылась маленькая типография, ко-

торая печатала исключительно Священное писание, буквари, курс начальной математики и географии. Постепенно дело развивалось, его величество позволил собирать в столице тряпичный хлам для изготовления бумаги, и типография добавила к своему ассортименту нотные тетради, сборники задач и книги для детского чтения. Теперь даже слуги могли позволить своим детям учебники, а благотворительные и храмовые школы вздохнули с облегчением – обучать целый класс по одной книге было все же сложновато.

К счастью, батюшка принцессы, король Альфонсо II, знал о вкусах и предпочтениях дочери достаточно, и потому приставил к невесте франконского дофина опытную в дворцовых делах даму и попросил присмотреть за гардеробом дочери. Ее величество выбор короля одобрила.

Донья Эухения де Кордона быстро приструнила скучающих фрейлин и разболтавшихся служанок, провела инспекцию в гардеробе, а после наведальась к его величеству для частного разговора. Король был чем-то с утра раздражен, поэтому встретил донью неласковым взглядом. Но старшая фрейлина принцессы не смутилась:

– Ваше величество, – сказала она, выполнив положенный реверанс, – я изучила гардероб принцессы...

– Знаю, знаю! – махнул рукой король. – Её величество ко мне уже заходила! Вы считаете, что нарядов мало, они слишком скромные, и понадобится половина казны, чтобы исправить положение!

– О, прошу меня простить, мой король, но это не так! – изумила монарха донья де Кордона.

– Вот как? – его величество внезапно успокоился и сел за стол. – Говорите!

– Гардероб инфанты – это гардероб молодой девушки, государь, и он вполне достаточен. Довольно будет пошить два-три особенных платья для встречи с дофином. Мода переменчива, и чтобы донья Изабо не выглядела во Франконию простушкой, нужно взять с собой ткани, кружева, пуговицы и ленты. А также парочку толковых швей. Они пошьют для нашей инфанты наряды по франконской моде, а казна существенно сэкономит. Ведь во дворце есть запасы драгоценных тканей еще со времен вашей бабушки!

Монарх задумался. Имея красавицу жену и трех дочерей, трудно не разбираться в женских штучках. Да и мужчины Гишпании любили украсить одежду тонким кружевом или пуговицами. И всего этого добра во дворце действительно много!

– Это дельная мысль, донья Эухения! – король приободрился. – Я распоряжусь дать вам допуск к хранилищам, подберите все необходимое. А платьями для встречи инфанты с дофином займется ее величество!

Донья присела в реверансе и откланялась.

Дворцовое хранилище ценностей делилось на категории. Самым примитивным, конечно, была «казна». Просто подвал с тяжелыми дверями и хитрыми замками. Здесь храни-

лось просто золото в слитках, серебро и некоторая часть монет. Рядом располагалось хранилище для ценной посуды, отдельные комнаты для ценных вин, масел и копченостей.

Возле опочивален короля и королевы были их личные маленькие сокровищницы. Там хранились украшения, королевские регалии, часть драгоценных одеяний.

Донья же Эухения, получив приказ короля, отправилась совсем в другую часть дворца. Туда, где хранилось постельное белье, занавеси, ткани для обивки мебели и стен, а также скатерти, салфетки и форма для слуг. Поймать «королевского дворецкого» было совсем непросто, но донья умело провела операцию по захвату, приказав младшим фрейлинам загонять добычу до полной победы.

Припертый к стене приказом короля, длинный и тощий, как циркуль, дон Эстебан сдался и повел донью де Кордона в свои владения. За тремя дверями пряталась отдельная сокровищница. Тут не было окон и яркого света – драгоценные ткани не должны выгореть на солнце! Каждая штука золотой или серебряной парчи была аккуратно убрана в хлопковый чехол. Рулоны газета, аксамита, шелкового бархата скрывались в глухих сундуках с тяжелыми крышками. Поставы кружев, мотки лент, коробки драгоценных пуговиц!

У доньи разбежались глаза, но...

– Итак, дон Эстебан, нам нужно приготовить для инфанты целый гардероб по франкской моде! Я узнавала у посла, сейчас там в моде нежные цвета и легкие ткани. Однако мы

приедем в конце лета... Донье Изабо очень идут розовый с серебром, светлое золото и алый. Ее прекрасные золотые волосы отлично оттеняет сочная зелень и королевская синь!

Дон поморщился, но не возразил – открыл один из сундуков и вынул штуку шелка. Донья Эухения поморщилась в ответ:

– Дон, инфанта – не девочка из конюшни. Этим шелком, помнится, были обиты покои королевы-матери.

Дон Эстебан снова вздохнул и открыл следующий сундук. Донья хищно улыбнулась – дело пошло!

Глава 4

Гомез

Кикимора быстро привела себя в порядок и вернулась в

отделение. Гомез одобрительно кивнул, и девушка поспешила в маленький закуток, который гордо именовала «кабинетом». Тут стояла небольшая этажерка, заваленная бумагами, два стула и два стола, также заваленных бумагами. Карина плюхнулась на стул и взялась за папку «Текущее», прихваченную на входе.

– Есть что-то интересное? – Гомез опустил на соседний стул и тут же вытянул шею, пытаясь рассмотреть бумаги.

– Ищу! – буркнула кикимора, читая отчеты ночных стражников и заявления от жителей городка, принятые ночным дежурным.

Сообразив, что напарница не успела позавтракать, сержант торопливо вышел на улицу, широким шагом дошел до ближайшей закусочной и купил за медяк тортилью, начиненную зеленью и белым сыром. Быстро вернулся в отделение и плюхнул обжигающе-горячий сверток рядом с напарницей. Та немедля подхватила еду и, вгрызаясь в горячее тесто, что-то пробубнила. Гомез опять понял – налил в кружку холодной воды из кувшина, недавно обновленного вестовым, и поставил на стол. Девушка покивала, запила еду, не отрываясь от бумаг.

– Что-то нашла? – не утерпел парень, силясь разобрать невнятные каракули кого-то из сельских старост.

– Нашла, – довольно вздохнула кикимора, запивая водой внезапный завтрак. – Вот, смотри! Отчет ночной стражи о теле, найденном у складов.

Гomez взял лист, вчитался в корявые строчки:

– Собака?

– В ошейнике и породистая, – уточнила кикимора.

– Ну и что? Сбежала, потерялась, на складах псы суровые, порвали чужака...

Карина закатила глаза:

– Диего! В кого ты такой пень? – спросила она потолок, зная, что старый друг не обидится. – Читай внимательно: пес обескровлен, а крови рядом не нашли!

– Опять поклонники темного бога? – вытаращил глаза Gomez.

– Нет, те режут жертве горло, сливая кровь в сосуды, а тут видимых ран нет, – тоном учителя, добивающегося от ученика нужного ответа, сказала кикимора.

– Сдаюсь! – поднял руки Диего и уставился на напарницу, ожидая «правильного ответа».

– А подумать? – уперлась кикимора.

– Тортилья, – напомнил Gomez. – Я потратил все силы на нее.

Девчонка непочтительно фыркнула:

– Когда-нибудь я все же заставлю тебя изучить учебник по нечисти от корки до корки!

– Не томи! – сержанту привычная игра быстро надоела.

– Да все просто, – вздохнула Карина. – Кровосос у складов появился. И, судя по нападению на крупную собаку, сил он успел набрать.

Гomez только вздохнул. Искать днем логово вампира, пусть и низшего – та еще задачка! А дон Георгиос на соль и уксус скупится, велит набирать в храме святой воды и ею поливать подозрительные щели. Но водой вампира не всегда можно выгнать, а соль дорога... Придется опять просить в торговых рядах кувшин маринада и благоухать до следующего дня, как бочонок с оливками!

– Эй. Не вздыхай! – кикимора ткнула напарника кулачком в плечо. – Зато можем целый день не появляться в участке! Ты бы видел, что сейчас делают стражники!

– Что делают? – Диего стало любопытно.

– Караулку белят, мостовую метут, – принялась перечислять зеленая вредина. – Педро пришлось на дерево залезть, чтобы сгрести с крыши прошлогодние листья! А Серджио ремонтирует тот домик на задворках, куда каждые три часа выводят заключенных!

Гomez содрогнулся, схватил свою форменную шляпу и помчался на рынок. Лучше уж благоухать маринадом, чем содержимым выгребной ямы!

Кикимора же никуда не спешила. В охоте на кровососа главное – искать его в самую жару. Тенистых мест даже в трущобах не так много, а уж если получится выгнать тварюшку на солнцепек... Можно будет и уксусом не поливать – сам сгорит! А вот о средствах защиты стоило позаботиться. Берем чеснок, клочок шерсти, серебряную иголку, красную нитку, листочек стрелолиста и... Добормотав наговор

над двумя «брошками», Карина утерла пот со лба и припря- тала защиту в кошель на поясе. Кто бы знал, как непросто применять родовую силу там, где давно не растут болотные травы, не шумит тростник, а единственный родничок, пита- ющий старое болото, превращен в фонтан!

– Кикимора! – голос дона Георгиоса прорвался сквозь хлипкие перегородки.

– Иду! – девушка вскочила, тряхнула зелеными волосами и поспешила на второй этаж, в кабинет начальника.

Капитан был мрачен. Он ходил по кабинету туда-сюда и смотрел на кикимору подозрительно и недовольно. Наконец кивнул на стул:

– Садитесь, синьорита Видаль!

Вот теперь Карина поежилась. «Синьоритой» начальник называл её всего пару раз, и оба раза это было... неприятно.

– Итак, в самое ближайшее время к нам из столицы по- жалует проверяющий. Некий дон Аугусто Мануэль Медина. Приказано предоставить ему место для проживания, пита- ние и сопровождение.

У кикиморы щелкнула челюсть.

– Проживание? Питание? За чей счет такая щедрость?

– Это ерунда, – отмахнулся дон Георгиос. – Я уже с мэром переговорил, заселим столичного гостя в таверну к папаше Хименесу. Старик и за чистотой следит, и готовит нормаль- но. Посчитаем ему прием этого проверяющего в счет нало- гов, и все.

Карина хмыкнула. Выбор был, конечно, очевидным. В таверне папаша Хименеса нередко столовались холостые стражники, пользуясь комнатками наверху для жарких встреч с подружками из квартала прачек. Приезжий гость будет под круглосуточным присмотром и наверняка не найдет для себя жилья лучше. Если уж дон Георгиос поговорил с мэром, все прочие заведения, предоставляющие комнаты и стол, будут чужаку отказывать.

– Важнее другое. Этому столичному хлыщу потребуется сопровождение.

Девушка недоуменно хлопнула ресницами – мол, я-то здесь при чем?

– Не делай такое лицо! У меня на все отделение только ты и Гомез школу сыскарей закончили. Вот вы и будете его сопровождать! Днем и ночью!

Кикимора фыркнула, но заслужила лишь строгий взгляд.

– В общем, я тебе все сказал, до Гомеза сама донесешь!

– Дон Георгиос, – пискнула голосом примерной девочки Карина, – а когда столичный дон прибывает? Нам еще кровососа сегодня ловить!

– Завтра! Ждите его полуденным дилижансом, и чтобы одеты были по форме!

– Так точно, дон капитан! – кикимора отсалютовала и поспешила ретироваться.

Завтра так завтра! А сегодня надо изловить кровососа, это важнее!

Глава 5

Дон Аугусто Мануэль Медина натянул поводья и оглядел грязную улицу. Похоже, недавно прошел дождь, и потоки жидкой грязи стеклись к чахлому фонтанчику в центре площади. Именно сюда его направили сонные стражники, открывающие ворота славного города Овьедо. И где же тут отделение полицейского сыска?

Рассвет безмятежно золотил площадь, конь гарцевал, дон морщился, и тут раздались шаги. Приезжий моментально развернулся туда, откуда послышался новый звук, и устоялся на два комка грязи. Один – повыше и поплотнее – волок на веревке что-то совсем уж отвратительное, напоминающее помесь змеи с собакой. Второй – похлипче, но более грязный, тащил в руке кувшин.

Парочка, не обращая внимания на всадника, дотащилась до самого непрезентабельного домишки, свалила «добычу» к порогу и потащилась к фонтанчику – смывать грязь. Аугусто наблюдал за всем этим с брезгливым недоумением, потом сообразил, и когда у высокого из-под грязи показались глаза и рот, подъехал ближе:

– Синьор, я ишу отделение полиции Овьедо.

Тощий всхлипнул и заржал неожиданно звонким голосом. Высокий мрачно кивнул на тот домишко, возле которого валялись неизвестная Мануэлю тварюка и кувшин:

– Вот отделение, добрый дон. Начальник приходит к девятому удару колокола. Скоро пересменка ночной стражи.

– Благодарю! – Дон Медина коснулся кончиками пальцев своей шляпы и направил коня к дому. Возле него нашлись коновязь с поилкой и скамейка в густых кустах жасмина. Конь храпел, кося умным глазом на дохлую тварь, но лейтенант похлопал его по храпу и дал припасенное яблоко. Красавец-жеребец слегка успокоился, но из виду помесь змеи и собаки не выпускал.

Между тем комки грязи у фонтана обрели человеческий облик и медленно двинулись к брошенным предметам. Кувшин поставили за угол, а тварь... просто подвесили на поперечину и обвели кругом остро пахнущего маринада!

– Все! – прогудел здоровяк. – Идем мыться и завтракать. Дон Георгиос нас живьем съест, если мы опоздаем!

– Идем! – звонкоголосый рассыпал вокруг твари еще какую-то ботву, и, прихрамывая, парочка скрылась из вида.

Дон Аугусто недовольно проследил за ними и дернул дверь отделения. Она со скрипом открылась, изнутри высунулась сонно-недовольная физиономия:

– Что-то вы не торопитесь на смену! – пробухтел немолодой уже мужчина в форме стражника. Потом пригляделся и удивился: – А вы еще кто?

– Дон Аугусто Мануэль Медина, – процедил лейтенант, – проверяющий из столицы!

Стражник тотчас проснулся и явно удивился:

– Светлейший дон, мы ожидали вас не раньше полудня, с дилижансом!

– Как видите, я прибыл раньше! – желчно отозвался Медина. – Извольте уведомить о моем приезде ваше начальство!

– Я не могу оставить свой пост, дон, а до прибытия смены еще полчаса!

Столичный проверяющий стиснул зубы. Провинция.

В Мадридском отделении постоянно дежурил пяток мальчишек, подобранных стражниками на улицах. Они готовы были за монетку или пирожок отнести записку, проследить за свидетелем или принести утомленному сыскарю горячий кофе и лепешку с сыром. Потом лучшие из них шли в стражники или в тихари, а то и в писари, если успевали между дежурствами бегать в храмовую школу. Здесь же все было тихо, скучно и серо.

Зевающий стражник взглянул на единственные во всем городе часы и сказал:

– Не беспокойтесь, благородный дон, сейчас дежурный сержант придет и синьорита Карина, они никогда не опаздывают.

Дон Аугусто хмыкнул и снова принялся разглядывать домики, окружающие площадь. Как ни странно, выглядели они довольно мило и ухоженно. Небольшие, но крепкие. Все как один каменные. Возле каждого располагались большие кувшины с геранями, бугенвиллеей и настурциями, а кое-где

темнели резной листвой розы. На задворках, судя по всему, располагались сады, и только центр был наглухо вымощен камнем, и фонтан грустно журчал одинокой струйкой.

Здание полицейского участка было двухэтажным и тоже каменным. Правда, по чьей-то прихоти камень прикрыли старыми белеными досками и окружили участок кривым, но выбеленным забором. Цветами никто не озаботился, так что стражам закона и порядка досталось самое убогое здание на площади.

– Эй, как тебя! – проверяющий окликнул стражника, сладко прикорнувшего у двери. – Что у вас там? – дон Аугусто ткнул в строение на задворках.

– Там? Там тюрьма, благородный дон. Мертвецкая. Хранилище опасных улик...

– Опасных улик? – перебил дон.

– Ну, вон видите тварюшку? Гомез с Кариной наверняка притазили. Сейчас ее опишут, запакуют – и в хранилище.

– А потом куда? – заинтересовался проверяющий.

– Ну, если полезная – в госпиталь, на декокты; если вредная – при чистке хранилища спишут и сожгут, как полагается.

– Интересно у вас, – сказал Аугусто, – а казарма стражников где?

– Казарма – вот она, – усач кивнул на домик рядом. – Тут и оружейня, и баня, и швейня. У нас стражников две дюжины на весь Овьедо, и половина их семейные, дома живут, на

службу только приходят.

Дон Медина покивал, раздумывая над тем, что все устроено логично. Судя по всему, женатым стражникам достаются более хлебные должности вроде охраны ворот и дежурства в мэрии, а холостякам хватает койки в казарме и патрулирования значных мест.

– А скажи-ка, любезный, кто здесь у вас лучший сыскарь? – задал вопрос с подковыркой проверяющий.

Знал ведь, что кроме капитана тут всего четыре человека служат. Вот сержанта Гомеза и синьориту Карину ему уже назвали. А еще кто есть?

– Ну, лучшая у нас синьорита Карина, конечно, – неспешно ответил стражник, раскуривая трубку, – и чуйка у нее есть, и школу сыскарскую закончила, и не ленится к нашему коновалу забежать, если труп интересный найдут. И Гомез при ней – и помогает, и учится, еще год-два – и сам сможет молодняк натаскивать. А старички наши больше по бытовым делам – если кто курицу украл или там обвесил на базаре. Или муж жене фингал поставил.

– Старички? – поддержал беседу Аугусто, вынимая из поясной сумки плитку сухофруктов и орехов, залитых тростниковым сахаром.

– Синьор Гаспар и синьор Перес, – выдохнул клуб сладкого шоколадного дыма стражник. – Они тут давно работают. Школ сыскарских не кончали, из стражников поднялись и очень нашу синьориту Видадь не любят. Выскочкой считают.

– А почему выскочкой? – натурально удивился дон Медина.

– Ну как почему? Девчонка она, мелкая, в школу сыскарскую с боем прорвалась, если бы не капитан наш, так ни за что бы не взяли. У Гаспара сынок подросток обалдуй, у Переса племянник жены сильно хотел с дядюшкой сыскарем быть, а тут мелочь какая-то место заняла и работает так, что посмотреть любо-дорого. О, а вот и они!

Стражник прервал беседу и указал кончиком трубки на другой конец площади. Дон Аугусто перевел взгляд туда и увидел высокого широкоплечего детину самой простецкой наружности и мелкую девчонку с зелеными волосами, кое-как собранными в пучок. Что интересно – оба они были в сыскарской форме. А когда подошли ближе, стало понятно, что несет от них тухлой рыбой и... маринадом! Ровно так, как от тварюки, подвешенной к перекладине.

– Бенни, привет! – мелочь зеленая помахала стражнику рукой. – Выдай нам мешок для хранения улик, с печатью.

– Прямо с печатью вам! – заворчал стражник, споро вынимая откуда-то из-за спины грубый дерюжный куль с продернутыми в горловину веревками. – Чего хоть поймали-то?

– Да кровосос в портовой помойке завелся, – вздохнула девчонка. – Несколько собак выпил, козленка и на пьянчужку напал. Мы его пока нашли, да схватили, в той помойке искупаться успели.

– Кровосос? – стражник подозрительно глянул на тварю-

ку. – Откуда у нас этакая зараза?

– Да это не наша, судя по тому, что он в рыбьих отбросах жил, кто-то из моряков привез. Наши больше у фруктового рынка обитают.

Отвечала девчонка, а запихивал «улику» в мешок парень. Для страховки он еще и внутрь маринада плеснул, потом затянул веревку, завязал узлом, и девчонка пальцами расплавила болтающуюся на конце завязки сургучную печать, что-то нашептала и крепко прижала к узлам.

– Ого, – дон Аугусто вытянул шею, присматриваясь. Девчонка не так проста! Есть магия и умение ее применять, и язык подвешен, и шустрая. Пожалуй, будь она парнем – взял бы в столицу помощником. Если уж ему светит повышение, надо свою команду набирать. Вон, мальчуган, которого с ним отправил дядюшка Густаво, отстал еще в Мадриде. Просто не справился с маленьким ишачком, которого ему выделили для путешествия. Пришлось благородному дону всю дорогу полагаться на сомнительную помощь трактирных слуг, и вид у него был усталый и запыленный. А эта парочка сияла, словно не они недавно пришли сюда двумя комками грязи.

Однако, тихий городок Овьедо становится интереснее с каждой минутой!

Глава 6

Пока кикимора и сержант прибирали последствия своей вылазки за кровососом, солнце поднялось, и возле фонтана за клубилась обычная утренняя жизнь. Из пригорода пришли торговцы зеленью, овощами, фруктами, лепешками, свежим молоком и сыром. Женщины с кувшинами вышли к фонтану, чтобы набрать ледяной воды и посплетничать. Мясник разложил колбаски и тушки на своей тележке и двинулся вдоль домов, развозя заказы. Точильщик, скрипя протезом и разошедшейся рамой своего точильного камня, встал на углу, завывая привычное:

– Ножи, ножницы точу!

Прогрохотала повозка с дровами и еще одна – со свежим сеном. Рачительные хозяйки тут же отправили служанок или вышли сами, чтобы сделать покупки. Под этот шум и обилие запахов дон Георгиос де Кампанелло и явился на службу. И сразу был остановлен стражником:

– Дон капитан, вас ожидают!

Увидев незнакомого благородного, капитан сразу понял, откуда взялся такой залетный птиц, но гримасу все же не удержал.

– Лейтенант Аугусто Мануэль Медина! – представился столичный маг. – Прислан к вам с инспекцией из Мадрида.

– Назначение? – капитан был сух. Формально он был вы-

ше по званию, но прекрасно понимал разницу между столичным гостем, имеющим личное поручение главы сыска, и провинциальным начальником отделения.

Медина протянул свиток с магической печатью. Взломав ее и внимательно изучив бумагу, капитан вздохнул и кивнул на здание:

– Прошу, дон лейтенант. Сейчас внесу вас в списки, подыщем кабинет. Кстати, где вы остановились?

– Пока нигде, – сдержанно ответил столичный гость, – сразу, как прибыл в город, направился к вам.

– Похвально, похвально! – тут капитан притормозил возле стражника и приказал: – Гомеза ко мне, как появится.

– Да тут он уже, вместе с ки... с синьоритой Видаль улики в хранилище пакуют.

– Ясно, скажи, чтобы ко мне зашли, как закончат! – с этими словами капитан вошел в участок, прошел мимо стойки дежурного и свернул направо.

Дон Медина не отставал.

В этой части здания располагались кабинеты. Капитан добрался до самой массивной двери, звякнул ключом и жестом пригласил гостя войти. Лейтенант вошел, изумляясь – никакой приемной. Ни секретаря, ни дежурного. Сразу за дверью простая комната с белеными стенами и плетеным ковриком на полу. Два окна прикрыты от утреннего солнца плотными занавесками, выкроенными из форменного сукна. Огромный стол, украшенный неожиданно тонкой резьбой –

оскаленные головы пантер встречают посетителя, отвлекая внимание от скромной обстановки. Пара стульев, небольшой шкаф – скорее даже комод, и вешалка в углу. Вот и вся обстановка.

Капитан зашел за стол, положил свиток, скинул перчатки, тяжело опустился в просторное кожаное кресло и поднял на Аугусто усталые мудрые глаза:

– Я прочел ваши бумаги, лейтенант, но так и не понял, что именно вы должны найти в нашем городе.

Медина мысленно присвистнул. Вот это формулировка! «Что именно вы должны у нас найти». То есть рассказывайте, найти поможем, только бы вы убрались поскорее? Впрочем, официальная версия у столичного дона была, её он и выдал:

– Инфанта Изабель, как вы, наверное, слышали, обещана в жены дофину Франконии...

Капитан медленно кивнул.

– Донья Изабелла носит титул принцессы Астурийской, поэтому прибудет в ваши края, чтобы увидеться со своими подданными. Моя задача проследить, чтобы к визиту сиятельной невесты здесь даже мухи летали строем.

– Значит, вы к нам до...

– До отъезда невесты к жениху, – кивнул Аугусто, сам мысленно передергиваясь. Пока что сонный приморский городок произвел на него самое гнетущее впечатление.

– Что ж, значит, нужно найти вам подходящее жилье...

Тут в дверь небрежно грохнули, как будто даже кулаком, и на пороге нарисовалась уже знакомая лейтенанту парочка.

– Сержант Гомез и синьорита Видаль прибыли! – грохнул бравый молодец в форме сыскаря.

– Отлично! – у капитана вдруг стал очень довольный вид. – Отчет?

– Дон капитан, – возмущенно сверкнула зелеными глазами девчонка, – мы только-только кровососа упаковали! И еще доки проверить нужно, вдруг он там не один был! А вы – бумажки!

– Чтобы после обеда отчет был на столе! – строго сказал капитан. – А теперь знакомьтесь.

– Лейтенант Аугусто Мануэль Медина, – не вставая, представился столичный гость, во все глаза разглядывая парочку.

– Сержант Гомез! – снова громыхнул крепыш.

– Младший сыскарь нашего отделения, – вставил капитан.

– Синьорита Видаль, – голос у зеленоглазки оказался на диво приятным.

– Старший сыскарь нашего отделения, – довольным голосом произнес дон Георгиос, любуясь вытянутой физиономией столичного хлыща.

Однако Аугусто Медина все же быстро пришел в себя и склонился было – поцеловать синьорите ручку, но Карина быстро спрятала конечности за спину и самым невинным тоном сказала:

– Ах, простите, благородный дон, только-только кровосо-

са упаковала, все еще маринад не отмылся.

Лейтенант нахмурился – впервые на его памяти симпатичная девушка отвергла его попытку знакомства. Впрочем, эту пигалицу трудно назвать симпатичной.

– Познакомились, и хорошо! Гомез, сейчас покажете лейтенанту свой кабинет, и проводишь гостя к папаше Хименесу, тот знает.

– Наш кабинет? – нахмурилась девчонка.

– А ты предлагаешь посадить лейтенанта к тем старым пням? – строго спросил капитан.

– Да! – нагло выпалила девчонка.

– А потом мне неделями жалобы их слушать! Нет уж! Сказал – к вам в кабинет, значит, к вам! Все! Прочь с глаз моих!

Сыскари развернулись и, четко печатая шаг, вышли. Медина вынужденно последовал за ними.

Ушли, правда, недалеко. Остановились у ближайшей двери, девчонка щелкнула пальцами, открывая замок. Эта комната была меньше, чем кабинет капитана, и столов тут было два. В остальном все так же – беленые стены, глинобитный пол, занавешенные сукном окна, пара стульев и комод.

По виду столов сразу было понятно, где чей. На одном аккуратный чернильный прибор, стопка недорогой бумаги, несколько папок с делами и чайный набор на металлическом подносе. На втором – какие-то веревки, камни, кусок сети, сломанный кинжал, солдатский ремень с пряжкой и пучок сломанных перьев. Столы стояли друг напротив друга,

и Аугусто хотел уже поморщиться и поставить сержанту на вид бардак на рабочем месте, но... Гомез сел за опрятный стол, а девчонка скользнула за «бардачный» и немедля похозяйски полезла в ящики. Вынула лист бумаги, целое перо, пузырек чернил и вздохнула:

– Я буду отчет писать, а ты дона к Хименесу проводи. И напомни этому хрычу, что я к нему зайду проверить, как он гостя устроил.

– Есть! – чуть насмешливо козырнул сержант и с почтением показал лейтенанту на дверь: – Идемте, дон, пока солнце не поднялось, папаша Хименес рано устраивает сиесту.

Аугусто сдержал свое недовольство. Пожалуй, он не станет делать замечания с порога. Сначала присмотрится. С этой парочкой он уже трижды ошибся, и не хотелось бы выставить себя дураком в четвертый раз. Главное для него сейчас – информация.

Сержант подождал, пока лейтенант заберет коня, а потом довольно быстрым шагом провел Медину через площадь, свернул в переулок и стукнул в облезлую дверь мрачноватого кирпичного дома:

– Эй, папаша, я привел постояльца!

На порог вышел круглолицый человек с полуседыми кудлатыми волосами, подвязанными на моряцкий манер красным платком:

– И что за постоялец? – спросил он, оглядывая дона с головы до ног.

– Столичный гость. Капитан сказал, что ты в курсе, а ки... синьорита Карина обещала зайти и лично проверить, как тут дону лейтенанту живется!

Аугусто продолжил свои наблюдения и понял, что капитан трактирщика ни капли не взволновал, а вот упоминание тощей зеленоглазой пигалицы – обеспокоило.

– Коня сюда! – папаша немедля сошел с крыльца и открыл боковую калитку. За ней обнаружился приличный хозяйственный двор с конюшней.

Дон Медина неспешно ввел своего скакуна и пристально осмотрел предложенный денник. Понюхал и перебрал сено, плеснул воду, проверяя свежесть, и наконец решил, что все тут не так хорошо, как в его личной конюшне, но и не так плохо, как в некоторых трактирах по дороге. Следящий за лошадьми мальчишка получил монетку и пообещал выгуливать коня, если господину будет некогда.

Потом гостя завели в дом. Тут все было так же безнадежно провинциально – глинобитные полы, тростниковые циновки, скудная плетеная мебель и недорогая фаянсовая посуда... Впрочем, Аугусто проводили по скрипучей лестнице на второй этаж и показали вполне приличную комнату с просторной кроватью под балдахином.

– Наш лучший номер! – соловьем разливался папаша Хименес. – С отдельной купальней и видом!

Купальня и правда была, но воду в нее нужно было таскать ведрами, так что приятная глазу лилово-сине-белая плитка,

покрывающая пол и стены, была скорее декорацией. «Вид» со второго этажа на задний двор, чужие крыши и где-то вдалеке – полоску моря, тоже оставлял желать лучшего. Но выбирать не приходилось. Из коротких комментариев сержанта столичный гость понял, что ничего лучше он в Овьедо не найдет.

Оставив на полу дорожные сумки, дон Медина пожелал воды для омовения, плотный обед и служанку, которой можно отдать белье в стирку и починку.

– Помилуйте, дон! Какой обед? – запыхтел хозяин гостиницы. – Время едва к полудню!

– Значит, плотный завтрак, – отрезал Аугусто. Уж тут он знал, как себя вести, поэтому сразу нехорошо сощурился: – Или мне шепнуть господину мэру, как скверно меня приняли в лучшей гостинице Овьедо?

Папаша тотчас закрыл рот и пообещал немедля прислать служанку, обед и воду.

– Отлично, дон! – одобрительно хмыкнул сержант. – Устраивайтесь, отдыхайте с дороги, а завтра подходите на утренний кофе. Капитан обрисует вам ситуацию в городе.

– А что, у вас случилось что-то особенное? – максимально незаинтересованно спросил лейтенант, скидывая пропыленный дорожный камзол.

– Да как сказать... – Гомез дернул себя за чуб. – Думаю, капитан вам лучше объяснит. До завтра! – и ушел, оставив Медину в раздумьях.

Что же такое происходит в тихом городке Овьедо?

Глава 7

Карина нервничала и дергала себя за выбившуюся из пучка прядь. Как? Ну как закрепить на бумаге «предчувствие»? Как передать сухими казенными фразами свое опасение?

Кровососа они выловили. Не сразу, правда – пришлось за ним по всей помойке гоняться. А третьего дня они с Гомезом поймали странную тварь, визжащую, как дикая свинья. Причем тварюка была с крыльями, от ее визга люди на некоторое время теряли слух, а из глаз, носа и ушей текла кровь, и если бы кикимора плохо училась в школе магсыска, то даже не опознала бы малого назгула! А неделю назад на морском кладбище, в том углу, где хоронят бродяг и снятых с корабля матросов, из позабытой могилы выбралась стрыга!

И все эти пугающие население ужасики были не местные, а значит, бороться с ними выходило накладно. Ту же стрыгу пришлось серпом упокаивать, и серп тот поржавел в один миг! Назгула Гомез плетью сбил, и слава кокетству оборотня, выбравшего для наконечников серебро!

Вообще, Карине пришлось перетряхнуть все свои школьные записи и даже полазить в архиве, чтобы правильно определить вид нечисти и найти на нее управу. А что делать, если в Овьедо пожалует инеистый великан или кладбищенский гуль? В Гишпании почти нет людей, говорящих на фарси или сконском наречии!

Тяжело вздохнув, кикимора завершила отчет, поставив решительную подпись, и убрала бумагу в папку. Капитану отнесет после сиесты. Не стоит сейчас совать голову в пасть растревоженному начальству. Интересно, Гомез уже отвел столичного дона к папаше Хименесу? Вот как работать с высокомерным аристократом, который не представляет, с чем они тут сталкиваются?

В столице наверняка хватает преступлений, связанных с деньгами, должностями и связями. А здесь, в Овьедо, часто сыск вызывают на пьяную драку матросов, сбежавшую обезьянку или подозрительный шум в подвале. Шумный порт никогда не спит, но туда сыскарей вызывают редко – разве что пропадет особо крупный или ценный груз, или вот кровосос в рыбной помойке заведется. Не любят моряки чужого вмешательства. Сами решают свои проблемы – зачастую дуэлью на кортиках или палашах.

И все же столичный фронт сумел кое-чем заинтересовать девушку. Какая интересная у него магия! Прежде Карина с такой не встречалась. Ясная и острая, словно льдинка в жаркий день. Кикимора призадумалась, но тут загрохотали сапоги, и в кабинет ввалился сержант:

– Ну всё, дона устроил к папаше. Идем, капитан звал. Кажется, у нас новое задание!

Капитан и правда ждал подчиненных в своем кабинете. Мрачно взирал в окно и постукивал пальцами по серой картонной папке. Карина и Гомез переглянулись – признаки бы-

ли нехорошие.

– Явились? – дон Георгиос, вопреки опасениям, говорил не гневно, а устало. – Лейтенанта пристроили?

– Так точно! – коротко ответил сержант.

– Что ж, тогда слушайте и думайте, как скрыть это от столичного гостя. Ночные стражники западного околотка только что принесли отчет.

Капитан толкнул папку в сторону кикиморы, и она моментально её поймала и открыла:

– Групповое убийство? – ахнула девушка, вчитавшись в корявые строчки.

– Эти олухи не догадались послать верхового к нам. Ну, может, и к лучшему. Тела привезли к нам в морг, док сейчас работает с ними. Место преступления заперли, но не сомневаюсь, потоптались там знатно. Я приказал всем молчать, но вы не младенцы, знаете, что уже завтра обо всем будет знать каждая портовая крыса. Отправляйтесь туда прямо сейчас. Инспектору этому столичному врите что хотите, но убийцу мне найдите в кратчайшие сроки. Через месяц у нас тут должно быть тихо и благостно, как в соборе на отпевании! Брысь!

Карина и Гомез быстро вышли из кабинета капитана, зашли в свой и заперли дверь. То, что дело передали им – уже показатель. Два других сыскаря обычно получали кражи, мелкие происшествия и драки. А вот убийства, исчезновения людей и всякое непонятное последний год падало на

головы «сыскарей, закончивших магшколу сыска».

– Что там? – оборотню стало интересно.

– Читай! – фыркнула вредная кикимора, не желая пересказывать напарнику содержимое бумаг.

Тот вздохнул, но взялся за отчет. В западном околотке ночные стражники, обходя квартал, заметили свет в доме почтенного семейства. Никаких храмовых праздников на этой неделе не ожидалось, так что любопытные служители порядка глянули в щелочку между ставнями и тут же ринулись в дом, собираясь ломать замки. Однако двери открылись легко, словно были только прикрыты, а внутри, в самой большой комнате дома, они обнаружили трупы всего семейства. Все семь человек лежали в разных позах, кто где. Старая мать хозяйки дома и вовсе сидела в своем кресле, как обычно, и только лужа крови под ней указывала на ее гибель.

– Все убиты одинаково, – сержант проговаривал вслух подробности, которые сумел уловить в отчете. – Перерезано горло чем-то острым, вероятно, ножом. Ну, док тут уточнит. Хотя стражники в Западном опытные, уж ножевую рану не спутают.

– Заметь, они даже схему попытались набросать, ай молодцы! – Карина тоже просматривала бумаги, кусая губы. – Ты понял?

– Что понял? – нахмурился Гомез.

– Видишь, как расположены тела? Отец у дверей, дальше мать, дети, старуху убили последней. Она был стара и слаба,

не могла кричать и сопротивляться. Тот, кто это сделал, точно знал, куда идет и что сделает. Так. Надо посмотреть на месте, но сдается мне, крови там будет сильно меньше, чем ожидается...

На бормотание напарницы сержант только вздохнул – знал, что в такой момент ей лучше не мешать.

Они быстро собрались, вышли из отделения и мрачно переглянулись – дежурной повозки опять не было. А пешком через весь город в Западный конец плестись не хотелось.

– Придется ловить... – вздохнул сержант.

Поскольку тратить скудное жалование на наемные экипажи ни Гомез, ни Карина не любили, им приходилось высматривать кучера, нарушающего правила, и требовать доставки к месту преступления в счет штрафа. В своем районе владельцы экипажей давно поняли нужду сыскарей и порой даже предлагали подвезти, не дожидаясь придирок. Но сегодня им нужно было ехать на другой конец города, и это могло стать проблемой.

Карина оглянулась, фыркнула и, хитро сплетя пальцы левой руки, забормотала что-то себе под нос.

– Зеленка, только не это! – обреченным тоном заявил оборотень.

– А что ты предлагаешь, – буркнула девчонка, – до завтра пешком топать?

Вода фонтанчика забурлила, выплеснулась на камни мостовой и тут же сплелась в изящного тонконового коня. Го-

мез в который раз поразился волшебству, а еще тому, что вода в фонтане была ледяной и чистой, а вот конь получался каждый раз бурым и плотным, да ещё слегка пах торфом и тиной. Кикимора подошла к лошади, похлопала по морде и скормила кусок сыра, припасенный к обеду.

– Садись! – строго взглянула она на сержанта.

Гomez неохотно забрался на бортик фонтана, а уже оттуда плюхнулся на коня. Не доверял он болотному чуду. К тому же сержант и сам неплохо бегал, но в городе оборотням запрещалось менять облик без особой причины. А несущийся по центральной улице волк – не то зрелище, которое оценят горожане.

Карина фыркнула, еще раз похлопала средство передвижения по морде и ловко запрыгнула перед сержантом:

– Вперед! – звонко скомандовала она, и лошадь, постепенно набирая ход, затрусилась по улице.

Ехать без поводеьев и седла – то еще удовольствие, но нечисть болотная прогулкой наслаждалась, так что сержанту приходилось терпеть и думать, а еще выдвигать предположения.

– Стражники ничего не написали про ценности. Может, это было ограбление?

– Зато написали про то, что все члены семьи, кроме бабки и младшей внучки, работали вне дома. Если бы хотели ограбить, проще было прийти утром, когда все уходят.

– Верно. Тогда зачем? Может, под домом зарыт клад?

– Тогда вообще незачем убивать. В воскресенье вся семья ходила в храм, даже старуху с собой везли в кресле на колесах.

– Тоже верно. Но тогда зачем? Я не понимаю.

– Вот на месте и посмотрим, – фыркнула кикимора, – у меня есть два варианта, и оба мне не нравятся.

Гomez демонстративно засопел, потом протянул:

– Ну я же терплю!

Карина фыркнула, но признала – напарник даже не ворчал, забираясь на болотную лошадь.

– Это либо какой-то ритуал, чтобы призвать кого-то или что-то. Либо, что еще хуже, попытка запугать жителей, чтобы повернуть что-то тайное и страшное.

– Вот любишь ты ужас наводить! Нечисть болотная! – буркнул Gomez и поежился.

– Правда, есть и третья возможность...

– Ну?

– В Западном завелся маньяк, но это маловероятно.

Оборотень призадумался и признал, что версия так себе. В школе сыска маньякам посвятили всего несколько занятий. Опытный сыскарь, читающий лекции о типах преступников, признал, что поймать реального маньяка очень трудно, потому что истинные сумасшедшие дьявольски хитры и осторожны. Их часто заводит сама игра в охотника и жертву, и случается, никто, кроме самого убийцы, не подозревает о его секретах.

– Ты права, – согласился сержант, отвлекаясь от неровной тряски волшебного коня, – район для маньяка неподходящий. Не трущобы, но и богатым его назвать сложно. Живут ремесленники крепкими семьями. Одиночки редки, стражники ходят регулярно. В основном драки среди подмастерьев по пятницам, да семейные разборки или мелкие кражи.

Ох, знал бы он тогда, как ошибался!

Глава 8

Еда у папаши Хименеса все же нашлась. Бурча себе под нос, хозяин трактира лично разбил на сковороду полдюжины яиц, дополнил их луком, перцем, помидорами, тонкими кусочками бекона и щедрой жменей зелени. К пытящей на сковородке яичнице папаша принес пару ломтей грубого хлеба, головку чеснока, оливковое масло, кувшин сангрии со льдом и пригоршню маринованных оливок. Аугусто сел за стол и признался себе, что давно так хорошо не завтракал. Еще бы вот пирожков с фруктовым мармеладом от Ниньи, но увы!

– Эй, хозяин! – после еды дон смягчился. – Подайте мне что найдется из фруктов, кофе и разговор.

Хименес поднял седые кустистые брови, однако спорить со столичным гостем не стал – быстро приготовил на жаровне чашечку крепкого кофе, разрезал гранат и принес все к столу, за которым расположился приезжий.

– Какой же разговор вы хотите, благородный дон?

– Да просто новости, – тонко улыбнулся Медина, крутя в пальцах крупный серебреник. – Я у вас человек новый, но пробуду долго, так что хотелось бы узнать, кто с кем дружит, кто кого не полюбил, чтобы не угодить под копыта несущейся лошади...

Намек на традиционную казнь предателей в некоторых

кланах папаша понял сразу. И Аугусто сделал вывод, что не ошибся. Когда-то Хименес не просто служил на корабле, а был не прочь взять на бордаж приبلудившееся торговое судно. Впрочем, грехи молодости легко списывает старость – так иногда любила говорить Нинья.

– Что ж, благородный дон, – папаша тяжело опустился на скамью, потирая ногу, – если уж вы к нам надолго, то должны знать, что стражники и сыскари не дружат. Одним приходится целый день ноги бить или ночью носы морозить, охраняя покой жителей нашего славного города. Другие же приходят только на трупы или уж какие-то большие кражи и руки марают редко. Правда, вот парень, который вас привел, и девчонка, напарница его, те руки испачкать не боятся. Их и стражники уважают, и если дельце какое заковыристое вырисовывается, сразу их зовут.

Медина медленно кивнул. Значит, ему действительно предоставили лучших. И, судя по болтовне стражника и хозяина таверны, эта странная парочка достойно служит, отлавливая не только преступников, но и нечисть. С другой стороны – почему капитан сразу приставил к столичному сыскарю лучших? Чтобы что-то ему не показать? Скрыть от глаз за болтовней и байками о подвигах? Ну-ну! Аугусто отхлебнул кофе и уставился на Хименеса своим особенным взглядом:

– А скажите мне, любезный, что у вас в городе произошло сегодня?

На место преступления сыщики добрались в четвертом часу пополудни. Жара еще калила камни, но солнце уже немного склонилось к горизонту. Спрыгнув с лошади, кикимора огляделась, нашла фонтанчик и хлопком по крупу направила коня туда. Лошадь недовольно фыркнула, но все же склонилась к тонкой струйке, наполняющей неглубокий бассейн – и через миг магическое создание исчезло, а вода выплеснулась на мостовую, забрызгав все вокруг на пару-тройку ярдов. Гомез поморщился – такой финт кто-то мог и заметить, но, по счастью, в этом углу города не нашлось идиотов, желающих прогуляться в жару. Кроме, конечно, господ сыщиков.

Они подошли к дому, на котором болталась черная лента, и принялись внимательно осматривать здание снаружи. Обычный дом в ряду почти таких же. Домики различались цветом герани, растущей в горшках на подоконниках и у порогов, да количеством синьки, добавленной хозяйками в побелку.

В центре Овьедо хватало каменных зданий, окраины же традиционно застраивались кирпичными домиками, которые для тепла покрывались штукатуркой, а для защиты от палящего солнца – побелкой. Крыши тут, правда, были черепичные – в отличие от трущоб. И двери добротные, из тяже-

лых плотных оливковых досок, готовых служить много лет. А еще рачительные хозяйки этих домов разводили в тени собственных жилищ маленькие садики с пряной зеленью. И вот как раз такой садик расположился под окнами семейного дома. И на мягкой, взрыхленной земле красовались четкие отпечатки. Кто-то подошел к окну, чтобы заглянуть в него и... Что? Убедиться, что все дома? Или, наоборот, понять, что кого-то нет, и подождать?

На запылившемся подоконнике остались следы чьих-то рук, а ниже – нитка! Самая обыкновенная льняная нить, крашенная в дешевый синий цвет. Карина аккуратно подхватила ниточку и завернула ее в листок бумаги, выуженный из кармана. Почти ничто, но может быть и кое-что!

Больше возле дома ничего найти не удалось, и сыскари вернулись к двери.

Дверь решено было изучить во всех подробностях. Сначала ее обнюхал Гомез. Поморщился, чихнул, сплюнул:

– Старый Хосе, что б ему икалось, табак нюхает, – объяснил он свое недовольство.

– Все, нос забит? – вздохнула кикимора. – Тогда я попробую!

Она немного отступила от щелястой деревяшки, подняла руки и направила на нее свою внутреннюю силу. Кровь и пот – тоже жидкости. На старом дереве проступили отпечатки, но, судя по размерам и количеству, эту дверь трогали все.

– Ничего особенного, – вздохнула Карина, встряхивая ру-

ками, словно сбрасывая капли с рук. – Пот, кровь, морская соль, табак и сангрия.

Оборотень сочувственно вздохнул:

– Заходим?

– Придется.

Они осторожно открыли дверь и вошли. Остановились на пороге, снова разглядывая комнату. Пятна крови давно за-пеклись и потемнели. Опрокинутое кресло, откинутый к стене табурет – это были скорее следы стражников, уносящих тела. А вот что тут оставил убийца?

Гомезу не нравилось стоять у двери и дышать старой кровью, но кикимора не пускала его внутрь, перенося расположение мебели и пятен крови в блокнот. Потом девчонка осторожно пошла по кругу. Вязание, еда на столе, игрушки, инструменты. Жизнь обычной небогатой семьи, как она есть.

– А это что? – кикимора замерла на месте, разглядывая какой-то отпечаток на каминной полке.

Гомез, соблюдая осторожность, приблизился к напарнице и тоже присмотрелся – брызги крови и сажа четко обрисовывали прямоугольный след.

– Здесь что-то стояло. Прямоугольное. Возможно, шка-тулка? Ну-ка, спроси у парней, никто отсюда ничего не при-хватил? – скомандовала зеленоволосая нечисть.

Оборотень фыркнул – но вышел из домика, чтобы погово-рить со стражниками, а кикимора продолжила осмотр с тщательным занесением деталей в блокнот. Судя по всему,

больше из домика ничего не пропало.

Когда Карина вышла на крыльцо, Гомез уже спокойно стоял в тени, кусая травинку:

– Так что? – спросила напарница, убирая бумаги в поясную сумку.

– Ничего, – пожал плечами сержант. – Парни уверяют, что так впечатлились выпотрошенным семейством, что по сторонам старались не смотреть. Было ли что-то на каминной полке – не помнят. Я приняхался-присмотрелся, предмет, судя по всему, был немалого размера, в карман не сунешь, а сумок при них нет.

– Значит, будем надеяться, что шкатулку или книгу забрал маньяк, – резюмировала Карина. – А по нитке что?

– По нитке скучно, – ответил оборотень. – Я у фонтанчика умылся, да еще раз возле дома прошел. Соседка это в окно заглядывала. Фартук у нее голубой, и зацепка на нем есть.

– Ясно, что ничего неясно, – вздохнула кикимора. – На ритуальщину не тянет – знаков никаких нет. На ограбление тоже. Сомневаюсь, что в этой семье на камине стояла шкатулка с бриллиантами. Но ведь зачем-то их всех убили?

Гомез поднял голову к явно склонившемуся солнцу:

– Поехали в участок. Выслушаем дока, перетряхнем старые дела, здесь мы собрали все, что могли.

– Поехали, – вздохнула кикимора, собираясь вновь призвать водных коней, но оборотень аж подпрыгнул: – Я у парней бричку выпросил!

– Как скажешь! – Карина устала и не имела желаний спорить. Странное дело. Очень странное!

Глава 9

До участка сыщики добрались почти к закату, и были встречены недовольными коллегами.

– Этот ваш столичный лейтенант, – возмущенно заявил синьор Гаспар, – явился в кабинет и полдня проторчал за нашими спинами!

– Все бумаги перебрал! – присоединился к возмущению синьор Перес.

Оба сыщика осуждающе смотрели на Карину, но уставшей кикиморе было все равно. Она про столичного хлыща и думать забыла – её беспокоил тот самый прямоугольный предмет. И все-таки – шкатулка или книга?

– Кара, к доку сейчас пойдём? – уgomонил всех вопросом Гомез.

Кикимора глянула на закат, вздохнула и подтвердила:

– Сейчас. Лучше сразу узнать, что он там нашел.

Оставив бурчащих коллег, сыщики двинулись в подвал – к единственному в участке доктору.

Морг дохнул наведенным холодом. Охлаждающие амулеты были страшно дороги, но зима в Овьедо была мягкой, море – теплым, поэтому запастись натурального льда для хранения трупов не представлялось возможным. Приходилось городскому совету тратиться на покупку и пополнение амулетов. Впрочем, дон Керубин Дортего аргументировал трату

средств из городского бюджета очень просто:

– Всем нам, синьоры, предстоит умереть, и будет чрезвычайно обидно испортить родственникам прощание зловонием и трупными мухами.

После этого заявления все городские морги (целых два) были снабжены амулетами в необходимом количестве.

– До-о-ок! – звонко позвала Карина в полумрак, опасаясь сделать хоть шаг по холодному скользкому полу.

– Здесь я, синьорита! – отозвалось неопределенно-серое пятно, и на полу нарисовалась серебристая дорожка морских огоньков.

Кикимора и оборотень осторожно двинулись по ним, зная совершенно точно, что сходить с дорожки нельзя. Доктор Молино был ни много ни мало – потомком человека и русалки, поэтому отношения с мертвецами у него были своеобразные. А морг он считал своей территорией.

Через десяток шагов сыщики очутились в уютной теплой комнате, прекрасно освещенной несколькими яркими лампами с начищенными медными отражателями. За узким столом для инструментов расположился сам доктор Молино, а рядом с ним...

– Дон Медина, что вы здесь делаете? – не удержалась синьорита Видаль.

Лейтенант лишь поднял бровь – мол, как это вы, синьорита, решились задавать вопросы старшему по званию?

– Док, – прогудел Гомез, – мы зашли узнать, что там с

погибшей семьей?

– Садитесь, ребятки, – махнул рукой Молино, – сейчас кофейку выпьем, и я вам кратенько расскажу. Тут дон лейтенант прелюбопытные новости из столицы привез.

Сыщики переглянулись и молча сели. С сыном русалки на его территории особо не повоюешь. То есть кикимора, наверное, смогла бы вырваться, но Гомеза ей на себе не дотащить, так что...

Между тем док ловко плюхнул на жаровню четыре маленьких турки и одним жестом ополоснул стоящие на столике чашки. Кофе в сыскном отделе – это нечто особенное. Ледяная вода из фонтана – Молино знал, что кикиморе важно пить эту воду хотя бы раз в день, – крупно помолотые зерна, растертые в ступке с бутоном гвоздики, шарик перца... Когда пенка поднялась аппетитной шапочкой, доктор подхватил по две турки в каждую руку и протянул одну пару кикиморе:

– Наливай, красавица. Остальное сами!

Карина ловко налила кофе себе и сержанту. В свою чашку добавила кубик тростникового сахара и немного мускатного ореха, напарнику – три куска сахара и сливки. Док наливал кофе себе и лейтенанту.

Пока они все это проделывали, дон Аугусто молчал. Однако, сделав первый глоток, столичный гость не выдержал:

– Это восхитительно, доктор Молино! Такой вкусный кофе я пил только в доме моей матушки!

– Рад, что смог угодить, дон лейтенант! – с легкой насмешкой в голосе отозвался сын русалки. – А теперь удовлетворите мое любопытство: что новенького появилось в столичных моргах?

– О, думаю, вам будет интересно узнать, что наши столичные медики научились сохранять жидкости тела длительное время, а порой даже вопрошать их. Правда, для этого требуется сильная водная магия и кое-какие инструменты.

– Какие именно? – живо поинтересовался доктор.

Он очень любил всяческие новшества и активно их применял как в обычной практике, так и на службе полиции.

– В первую очередь нужны пробирки из тонкого, но прочного стекла, – сказал лейтенант. – Не каждый стеклодув умеет сделать их правильно. Кровь или другие жидкости берут специальной серебряной трубкой, заливают в пробирку и закладывают новенькой пробкой. Потом эти пробирки в специальной подставке ставят в артефакторный сундук, закрытый рунами охлаждения, нетления и еще дюжиной охранных знаков.

– Потрясающе! – выдохнул док, не собираясь прерывать интересную беседу. – А как эти жидкости допрашивают?

– О, – лейтенант перешел на доверительный тон, – в Академии высокого магического искусства разработали прибор, который показывает мельчайшие частицы жидкостей. Студенты сейчас заняты составлением таблиц всевозможных образцов, чтобы даже не маги могли обнаружить, скажем, при-

меси ядов или крепкого вина.

– Восхитительно! – доктор пришел в истинный восторг. – А маги? Как это делают маги?

– Для обладающих силой составлен свод заклинаний, заменяющих этот прибор, – поведал дон Медина, допивая кофе. – К сожалению, я не прихватил с собой сборник последних инструкций, но, полагаю, скоро его вам пришлют.

– Это будет очень-очень интересно! – почти пропел Молино, и Карина невольно поморщилась.

Насколько она знала сына русалки, он из кожи вылезет раньше линьки, разорит материнскую устричную отмель, но раздобудет и пробирки, и заклинания, и прибор. Деньги могут многое. А Молино – от всей души преданный науке почти человек, готов для науки на все.

– Док, так что с нашим семейством? – спросила кикимора, одним глотком допивая кофе.

– А, да! Идемте, синьорита, результат прелюбопытный!

Сыщики с готовностью поднялись и отправились по новой цепочке сияющих морских огней. К особому неудовольствию Карины, столичный лейтенант отправился вместе с ними.

Тела хранились на полках в отдельной комнате. Стены тут были покрыты изморозью, дыхание вырывалось облачком пара, а у дверей висели теплые плащи – чтобы док и его помощники не мерзли во время работы.

– Собственно, показывать особо нечего, – Молино подвел гостей к полкам, на которых лежали накрытые дерюгой тела. – Раны ножевые. Разрезы такие, что я предполагаю длинное лезвие с зубцами. На одежде обнаружена рыба чешуя, морская соль и табачные крошки. В ранах – то же самое.

– Морская соль, чешуя, нож... Убийца – рыбак?

– Может быть. Кстати, табак жевательный, черный.

Кикимора покивала. «Черный» табак, смешанный со смолой и некоторыми стимулирующими травами, жевали моряки, грузчики и рыбаки. Снова морской след. Искать нужно в порту.

– Больше ничего? Никаких знаков, сорванных украшений или, там, попыток нацарапать ножом «я тебя любил»? – уточнила Карина.

– Увы, – развел руками док, – всё, что удалось узнать, я вам сообщил.

– Благодарю, доктор Молино! – девушка мысленно уже перебирала похожие дела. Пока ничего подобного не находилось. Им ведь несказанно повезло с доком – его магия позволяла обнаружить крошки табака и следы именно морской воды на одежде. Иногда док находил мушку в волосах покойного, и с помощью такой малости они ловили убийцу. К сожалению, стражникам до таких мелочей не было дела. Они бы искали убийцу среди соседей или профессиональных грабителей, а тут, судя по всему, что-то другое. Потому док так же ценил кикимору, как она его. Двум профессионалам нечего

делить, зато есть чем помочь друг другу.

Глава 10

Карина с Гомезом собрались уходить – в конце концов, рабочий день давно закончился, и нужно было отдохнуть, чтобы с новыми силами взяться за расследование, но их догнал голос лейтенанта:

– Синьорита Видаль, сержант, подождите меня. Я весь день пытался вас отыскать...

– Мы были заняты изучением места преступления! – огрызнулась Карина.

– Я уже понял, – примирительно сказал дон Аугусто, догоняя их. – Есть какие-то версии?

– Рабочий день уже закончен, – нелюбезно буркнула кикимора. Бесил её этот лощеный столичный красавчик. Ой бесил!

– Хорошо, жду вас завтра в кабинете. Капитан позволил мне участвовать в любых расследованиях.

– Зачем вам это? – изумилась Карина.

– Через месяц или полтора в Овьедо прибудет инфанта Изабель, – в очередной раз принялся объяснять Аугусто. – Я должен обеспечить нашей принцессе безопасное пребывание в городе вплоть до отъезда к жениху. Поэтому я буду влезать в каждое дело, которое даже потенциально может навредить сиятельной особе.

Оборотень и кикимора промолчали.

После прохлады подвала весенний вечер показался особенно теплым. В воздухе плыли ароматы жареных лепешек, цветущих слив и острой похлебки. Стражники возле казармы уже собрались вокруг котла, побрякивая мисками, и Карина голодно сглотнула – есть хотелось уже нестерпимо. Гомез это, конечно же, заметил и предложил:

– Зеленка, идем к нам на ужин? Мама морсильо обещала.

Кикимора голодно облизнулась, кровяные колбаски она любила, но отказалась:

– Я и так у вас ужинаю три раза в неделю, синьора Ривера уже должна взимать с меня долю за питание.

– Все равно у тебя дома мышь повесилась, – буркнул Гомез.

– Знаешь, Паблито, – прищурилась Карина, – если ты найдешь у меня в доме мышь, обещаю тебе сварить из нее похлебку!

Оборотень махнул рукой и свернул в переулок.

Дом его родителей располагался в стороне от площади Правосудия. Младший сын в большой семье, он один остался в родительском доме, но не спешил приводить жену и заводить щенков. Сначала хотелось получить образование, чтобы зарабатывать побольше, потом все не хватало времени познакомиться с приличной синьоритой из хорошей семьи и поухаживать как должно. Матушка ворчала, упрашивала, а потом принялась привечать его напарницу, приговаривая, что двое чокнутых – это даже и неплохо: дети будут хороши.

Между тем кикимора шла домой и раздумывала над тем, насколько напарник прав. В жарком климате Астурии все рынки и базары начинали работу рано утром. К десяти часам утра торговля прекращалась, и поесть можно было только в трагтории, либо перехватить лепешку с сыром в лавке. К вечеру на площадь выходили торговцы жареными колбасками, хоризо, пончиками, жареным луком и сыром, а в порту активно торговали фриттой – жареной во фритюре мелкой рыбешкой и прочими гадами, но все это нужно было искать, покупать и молиться всем святым, чтобы еда оказалась свежей. Так что питалась Карина от случая к случаю и, наверное, потому была такой тощей и глазастой.

Добравшись до дома, девушка сняла с притолоки тяжелый ключ, потянулась к замку и вдруг услышала за спиной вежливое покашливание.

– Дон лейтенант? – удивилась она. – Что вы тут делаете?

– Простите, синьорита, ваш напарник так быстро ушел, что я не успел сказать... Кажется, я не помню, где находится гостиница, в которой я остановился.

Кикимора уткнулась лицом в ладони. Идти к папаше Хименесу совершенно не хотелось. Сейчас бы съесть что-нибудь, ополоснуться нагретой солнцем водой из кувшина и завалиться спать...

– Я вас провожу, – сказала она, сдаваясь, – а вы угостите меня ужином!

– С большим удовольствием! – раскланялся столичный

франт, и Карина заподозрила, что блуждание в не таком уж большом городе было выдуманно нарочно – чтобы заманить ее на разговор. В конце концов, сегодня лейтенант уже общался со всем участком и даже дока очаровал!

Однако отказываться было поздно. Сунув ключ обратно, девушка развернулась и двинулась вниз по улице.

– А вы не боитесь?

– Чего? – равнодушно спросила кикимора.

– Половина площади видела, где вы держите ключ...

– Дон Медина, – фыркнула неуступчиво Карина, – в этом городе не найдется дурака, желающего забраться в гнездо кикиморы добровольно. Дверь я закрываю, чтобы козы не заходили в дом. Да и красть у меня абсолютно нечего.

– Вы живете одна? – уточнил столичный гость.

– И давно, – кивнула девушка.

– Неужели жалованье сыщика в Овьедо так мало?

– Нам платят, – неохотно призналась кикимора, – но вы бы знали, сколько всего приходится покупать самостоятельно!

– Например? – озадачился Аугусто. Ему, конечно, случилось докупать на службу мелочи, но все же он старался выбивать из завхоза все положенное по штатному расписанию. Живые деньги его маленькой семье были очень нужны.

– Соль, маринад, серпы, свечи, мел, кинжалы...

– Простите, а зачем все это? – список Медину изрядно удивил.

– Для борьбы с нечистью, – вздохнула кикимора. – Не поверите, сколько в последнее время появилась разных кровососов, заложных духов, мавок и прочих вредителей.

– В последнее время? – сразу насторожился лейтенант. – Давно?

Девушка задумалась.

– А знаете, – сказала она удивленно, – первого заложного духа мы уничтожили осенью. Пугал посетителей на кладбище. И с той поры повелось. Каждые два-три дня вызов, и минимум раз в неделю это действительно нечисть!

– Осенью, – что-то прикинул Аугусто, – в конце лета было принято решение о браке, и в храмах объявили о помолвке. Месяц-полтора на подготовку... Вы не искали в городе магов, способных вызывать нежить?

– Магов? Дон Медина, у нас на весь город три зарегистрированных мага. А по факту...

Лейтенант понимающе кивнул. В столице было примерно то же самое. Маги регистрировались, если оказывали магические услуги. Если учились в магической академии. Если имели дар выше среднего и проявляли его публично. Во всех остальных случаях дар можно было не регистрировать, а вот пакостить с малым даром некоторые умудрялись еще больше, чем с большим.

Между тем они добрались до гостиницы папаши Хименеса. Возле дома дежурили извозчики, внутри раздавался шум. Карина поморщилась – входить в шумный дымный зал не

хотелось. Она привычно обогнула строение по переулку и вошла в заднюю дверь. Тут располагалась комнатка для частных разговоров – с отдельным выходом, как полагается.

Стукнув по специальной медной пластинке, девушка звала владельца трактира. Папаша, увидев кикимору, расцвел широкой улыбкой:

– Синьорита Видаль! Какая радость!

– Папаша Хименес! – кикимора отзеркалила зубастый оскал. – Провожала вашего постояльца, чтобы не заблудился. Накормите нас ужином?

– Непременно!

Поглядывая на столичного дона, старик выставил на стол паэлью, жареные колбаски с фасолью, жареный перец, свежие помидоры, грубый хлеб, оливковое масло и сыр. Запить все предложил вином, но кикимора, прикоснувшись к кувшину, укоризненно покачала головой:

– Папаша! Лучше дай воды с апельсинами и кофе.

Старик, бурча себе под нос, убрал кувшин и принес с ледника родниковую воду, в которую выжал дюжину апельсинов.

– Что не так с вином? – негромко спросил лейтенант.

– У папаши столуются возчики, – вздохнула кикимора, – они любят, когда вино покрепче.

– Табак или полынь? – понимающе хмыкнул Аугусто. Именно эти травы возчики добавляли в вино, чтобы придать ему крепости и стимулирующих качеств.

– И то, и другое, – хмыкнула девушка, набивая рот паэльей.

Ела она, ни капли не манерничая. Буквально сметала свою порцию с тарелок, и, глядя на неё, Аугусто вдруг понял, что страшно проголодался. Они съели ужин, запивая его соком, и едва отодвинули тарелки, Хименес поставил перед ними кофе и блюдо с пончиками.

Вот теперь можно было поговорить. Однако Карине стало так уютно, сонно и сытно, что говорить не хотелось. Лейтенант немного помолчал, потом сделал глоток кофе и заговорил:

– Я изучил в архиве дела, которые вы вели последние несколько месяцев. Хочу сказать, синьорита Видаль, что восхищен вашими умениями и настойчивостью, нечисти вы переловили изрядно. И если верно то, что вы сказали, значит, кто-то готовится к встрече с инфантой. Нам нужно это остановить!

Кикимора передернула плечами, сбрасывая довольное оцепенение, вздохнула, глотнула кофе и ответила:

– Вы подозреваете вызов нечисти? Эту тему нам в школе сыска освещали мало. Что стоит искать в городе?

Лейтенант задумался. Если стражники и сыщики всё ещё не отыскивали места призыва, значит, маг был большим искусником.

– Обычно призванная нечисть не может удаляться от места вызова, – осторожно сказал он. – Во всяком случае, по-

ка не наберется сил. Возможно, стоит еще раз обойти места уничтожения нежити и поискать место призыва?

Кикимора задумалась и кивнула:

– Завтра всё равно придется идти в порт, опрашивать слушачей. Заодно проверим кое-что. Немало всякой дряни мы с Гомезом именно там выловили.

– Позвольте присоединиться? – вежливо попросил разрешения лейтенант.

Карина взглянула на него скептически – они оба знали, что в разрешении он не нуждался. Его полномочия проверяющего позволяли делать абсолютно всё.

– Присоединяйтесь! – великодушно заявила синьорита. – Но возьмите с собой серебро, соль и амулеты, если есть.

– Возьму! – заверил дон Медина.

Пока столичный гость выбирал очередной пончик, девушка выскользнула через заднюю дверь и заспешила домой. Если лейтенант прав – а скорее всего, так и есть, – ей нужно как следует выспаться.

Глава 11

Небо нельзя было отличить от моря: рваные серые облака, густой туман, пена и серо-синие волны смешались воедино, в бесконечную вязкую, холодную массу. Из рта вырывались облачка пара. Палубные доски поскрипывали под ногами матросов.

Корабль неспешно шёл вдоль берега Керкиры, мерно покачиваясь на волнах.

Педро закинул в рот шарик жевательного табака и продолжил уныло смотреть на серую массу за бортом. Они отчалили из Артины три дня назад. До следующего порта было ещё примерно столько же. Наконец можно будет размять ноги и развеяться, может, даже найти себе подружку на ночь...

Мерный свист ветра и плеск воды будто разорвало высоким, протяжным звуком. Нет, не просто звуком – возгласом. Педро прислушался. Мелодия на грани дыхания. Песня без слов. Что-то такое же древнее, как море и небо, разносилось над водой. Звуки пленяли, манили, становясь всё более гипнотическими и приобретая очертания женского хора.

– В трюм! Все в трюм, сейчас же! – прохрипел Фернандо, вываливаясь из «гнезда» на мачте.

Педро слышал его. Слышал, но не мог заставить себя повернуться и бежать. Ноги его будто окаменели, а глаза неотрывно следили за светлым пятном там, прямо за бортом. Так

близко, так притягательно. Только руку протяни, и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.